

Армия в 2020 году: современная или советская?

В следующее десятилетие российское военно-политическое руководство столкнется с непростой дилеммой: надо ли отвлекать немалые экономические ресурсы для модернизации Вооруженных сил в условиях, когда военная опасность фактически отсутствует | **АЛЕКСАНДР ГОЛЬЦ**

В 2010–2011 годах строительство российских Вооруженных сил подойдет к точке бифуркации, когда военно-политическому руководству страны придется с большей или меньшей определенностью выбрать один из двух или трех сценариев дальнейшего развития. При этом не исключено, что сценарии эти будут противоположны один другому. Таким образом, состояние российской армии через десять лет будет прямо зависеть от того, какой из сценариев будет избран.

Выбор властей будет определяться рядом объективных и субъективных факторов. К объективным следует отнести, прежде всего, демографическую ситуацию: юноши, которые могут начать службу в 2020-м, уже родились, и их количество никак не может измениться. В 2011-м в стране будет 648 тыс. восемнадцатилетних, в 2012-м – 662 тыс., в 2013-м – 641 тыс., в 2014-м – 613 тыс., в 2015-м – 592 тыс., и далее по нисходящей¹. Количество восемнадцатилетних начнет незначительно расти лишь в 2022–2023 годах. Это означает, что любой план строительства Вооруженных сил должен (далеко не факт, что будет) учитывать нарастающий дефицит мужского населения в наиболее

продуктивном возрасте между 18 и 30 годами. Ниже я попытаюсь спрогнозировать, какое влияние демографический фактор способен оказать на каждый из вариантов развития Вооруженных сил.

Еще одним объективным фактором является происходящая сейчас революция в военном деле. Суть этой революции (ее еще называют эпохой войн шестого поколения) в том, что помимо суши, моря, воздушного и космического пространства появилась новая среда военного противоборства – информационная. Информационные технологии дают их обладателю исчерпывающую, максимально подробную информацию о действиях противника; они позволяют, находясь за сотни и тысячи километров от зоны конфликта, наносить удары по врагу с помощью высокоточного оружия. Интенсивно развиваются роботизированные средства вооруженной борьбы. В этих условиях строительство Вооруженных сил, в соответствии с научно-техническими достижениями, требует высокого уровня образования и боевой подготовки всех военнослужащих. Армия, отвечающая этим требованиям, не может быть столь многочисленной, как это планирует сегодня российское руководство. Ни сейчас, ни в

ближайшие годы в России просто не будет миллиона человек, обладающих подобными навыками.

Наконец, объективным фактором является и то, что унаследованный от СССР ракетно-ядерный потенциал (даже в том случае, если он будет в ближайшие 10 лет существенно сокращен из-за неизбежного старения) останется на обозримую перспективу надежной гарантией того, что ни одно из государств не рискнет совершить агрессию против нашей страны. России достаточно заявить (как это уже сделано в новом варианте Военной доктрины ²), что в случае агрессии, которую она не сможет остановить

полуострове, в котором не исключено даже использование ядерного оружия.

Проблема, однако, в том, что на эти вызовы довольно трудно ответить военным путем. Кризис в Киргизии, когда Россия фактически отказалась предоставить военную помощь временному правительству этой страны, продемонстрировал, что Москва не готова участвовать в урегулировании конфликтов на ранней стадии, применяя военную силу. Поэтому в случае серьезных кризисов армия будет обречена выполнять вспомогательные, по сути невоенные, функции: прием беженцев, разоружение банд дезертиров, защита от оружия массового поражения.

“Вполне вероятное поражение сил США и НАТО в Афганистане неизбежно приведет к дестабилизации слабых авторитарных режимов центральноазиатских республик”.

с помощью обычных вооруженных сил, она готова применить ядерное оружие первой. Это способно обеспечить надежное сдерживание любого потенциального агрессора.

В то же время все это отнюдь не означает, что угрозы безопасности России вовсе отсутствуют. Как представляется, главные из них исходят из Центральной Азии. Вполне вероятное поражение сил США и НАТО в Афганистане неизбежно приведет к дестабилизации и даже падению слабых авторитарных режимов центральноазиатских республик. В результате такого развития событий в районе российско-казахской границы буквально в течение месяцев окажутся десятки, если не сотни тысяч беженцев. События на границе между Киргизией и Узбекистаном будут выглядеть детскими играми по сравнению с тем, что будет происходить в Оренбургской области России в случае гражданских войн в Центральной Азии. Серьезную угрозу безопасности несет и возможный военный конфликт на Корейском

В результате в следующее десятилетие российское военно-политическое руководство столкнется с непростой дилеммой: надо ли отвлекать немалые экономические ресурсы для модернизации Вооруженных сил в условиях, когда военная опасность фактически отсутствует ³. При этом выбор осложняется тем, что в середине следующего века могут появиться технологии, серьезно девальвирующие значение ядерного оружия. Таким образом, для обеспечения безопасности страны в будущем принципиально важно, каким образом будет использовано «окно безопасности», образовавшееся в 2010–2020 годах.

К субъективным факторам следует отнести внутривнутриполитическое развитие страны. В случае, если Россия будет двигаться к все более жесткой авторитарной модели, это чревато возрождением и усилением и милитаристских тенденций во внешней политике и военном строительстве. Усиление авторитаризма неизбежно будет сопровождаться ухудшением отношений с Западом. А раздражение по

поводу критики извне столь же неизбежно вербализируется российскими лидерами в военных терминах: Россию начинают представлять как осажденный лагерь, где любой гражданин прежде всего является солдатом.

Очевидно, что российская власть отдаст себе отчет в отсутствии такой угрозы, которую можно отразить «традиционными» военными средствами. Именно поэтому Вооруженные силы периодически становятся предметом всевозможных пиар-акций, связанных с внешнеполитическими действиями России. Достаточно вспомнить угрозы президента Медведева разместить тактические ракеты «Искандер» в Калининградской области или полеты стратегических бомбардировщиков в Венесуэлу. Все это не имело никакого военного смысла. Расчет был на то, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать военную мощь, а с другой — чтобы сохранялась уверенность в том, что США и НАТО не воспримут эти угрозы всерьез.

Руководству России предстоит сделать выбор: или готовить Вооруженные силы к ответу на реальные угрозы, или сохранять их в виде некоего имперского символа былой мощи СССР. Этот выбор носит вполне конкретный характер. В одном случае следует направить финансовые ресурсы на развитие средств переброски войск, создание сил быстрого реагирования и средств их поддержки. В другом — все средства должны быть направлены на то, чтобы поддерживать видимость ядерного паритета с США.

Очевидное отличие российских Вооруженных сил от прочих государственных институтов страны заключается в том, что их эффективность невозможно проверить в мирное время. Таким образом, у населения может сохраняться иллюзия, что жертвы в виде убитых и покалеченных в результате дедовщины солдат срочной службы, а также растраченных миллиардов дол-

ларов — не напрасны. И это обстоятельство снижает общественное давление на власть.

Наконец, и это главное, будущее российской армии будет в огромной степени зависеть от того, в каком направлении пойдет осуществляемая в настоящее время военная реформа.

Реформа Сердюкова

Начавшаяся в 2008 году военная реформа — наиболее радикальная попытка модернизации Вооруженных сил из всех, что имели место за последние 20 лет. Проходящая под лозунгом «оптимизации», то есть устранения диспропорций, якобы возникших в результате развала Советской Армии и массовых сокращений 1990-х годов, она представляет собой первую попытку окончательного отказа от концепции массовой мобилизационной армии (концепции, которая реализовывалась в строительстве российских Вооруженных сил последние полтора столетия).

В рамках этой реформы, которая должна завершиться в 2012-м, из 355 тыс. офицерских должностей ликвидируются 205 тысяч. В Сухопутных войсках ликвидируются все части и соединения сокращенного состава. В результате их количество уменьшается в 11 раз. Из 1 187 частей и соединений Сухопутных войск в настоящее время осталось 189. Всего же, в соответствии с реформированием, из 26 тыс. отдельных частей в Вооруженных силах осталось всего 6 тысяч⁴. При этом сокращения будут продолжены и в будущем. По данным печати, планируется, что в составе Вооруженных сил останется лишь 2,5 тыс. частей⁵. Масштабы сокращений таковы (фактически на сегодняшний день уволено две трети офицерского состава Вооруженных сил), что становится очевидно: вопреки официальным заявлениям, речь идет вовсе не о заурядной «оптимизации». Ликвидация соединений сокращенного состава, увольнение избыточного количе-

ства офицеров означает, что российское политическое руководство решило навсегда отказаться от идеи массовой мобилизации. Если еще недавно защищать страну в случае агрессии предполагалось, мобилизовав от 4 до 8 млн резервистов, то сегодня Сухопутные войска, по словам их бывшего главнокомандующего Владимира Болдырева, предполагают развернуть всего лишь 60 бригад (около 300 тыс. человек)⁶. По словам начальника Генерального штаба Николая Макарова, в случае войны предполагается мобилизовать в общей сложности 700 тыс. резервистов⁷.

В этих условиях было бы логичным ожидать деградации призыва и постепенного

значительная часть военнослужащих будет состоять из неподготовленных новобранцев. При сохранении призыва объявленная важнейшей целью реформы «постоянная готовность» каждой части и соединения (начальник Генерального штаба Николай Макаров утверждал даже, что теперь любое соединение готово выполнить приказ через час после его получения) ограничится тем, что количественно все они будут полностью укомплектованы в соответствии со штатным расписанием военного времени.

Однако вопреки очевидной логике военного строительства руководство военного ведомства настаивает: в ближайшие годы

“При сохранении одногодичного срока службы по призыву боеспособность российской армии будет более чем сомнительна”.

перехода к формированию Вооруженных сил на добровольческой основе. Ведь главный смысл существования призывной армии — подготовка обученного резерва, за счет которого можно при необходимости увеличить численность Вооруженных сил в несколько раз. В ситуации, когда количество резервистов составляет около двух третей от численности армии мирного времени (что характерно как раз для добровольческих, а не призывных вооруженных сил), призыв попросту теряет смысл. Если в случае военных действий предполагается призвать всего 700 тыс. резервистов, зачем расходовать огромные ресурсы на обучение 750 тыс. солдат срочной службы ежегодно, раз никто не планирует призывать их даже в период войны?

Кроме того, очевидно, что при сохранении одногодичного срока службы по призыву боеспособность российской армии будет более чем сомнительна. Каждые полгода личный состав будет обновляться наполовину, то есть в каждый конкретный момент

призыв не только не уменьшится, но, наоборот, будет увеличен. Чтобы обеспечить комплектование Вооруженных сил в условиях резкого сокращения призывного контингента, начальник Главного организационно-мобилизационного управления (ГОМУ) Генштаба Василий Смирнов на слушаниях в Совете Федерации предложил увеличить предельный призывной возраст с нынешних 27 до 30 лет. Время весеннего призыва должно быть продлено до 1 августа (что делает призыв фактически круглогодичным). Семьдесят процентов вузов должны лишиться права предоставления отсрочки от призыва (что позволит забрать лбы студентам 1-го и 2-го курсов большинства высших учебных заведений страны). Наконец, предложено отказаться от неудобной для Минобороны практики, когда каждому потенциальному рекруту надо лично расписаться на врученной ему повестке. Предлагается посылать им смс-уведомления, а в случае неявки в военкомат подвергать их уголовному преследованию⁸.

Эти меры вряд ли позволят пополнить армейские ряды, но сохранение существующей системы призыва неизбежно обернется коллапсом комплектования Вооруженных сил. Это позволит генералитету, отвергающему реформы, обосновать возвращение советского подхода к военному строительству.

Кроме того, не исключено, что к 2011 году государство не выполнит взятые на себя социальные обязательства в отношении как уволенных, так и действующих офицеров. Речь, прежде всего, о выделении жилья⁹. Как выяснилось, около половины тех, кому были выданы ордера на квартиру в 2009 году, жилья так и не получили¹⁰. Если иметь в виду, что речь идет о 200 тыс. человек, то их недовольство может представлять собой политический риск для Путина и Медведева (которые пока что оказывают поддержку военным реформаторам).

Помимо этого, социальное напряжение неизбежно будет нарастать среди офицерского корпуса в самих Вооруженных силах. Из-за избытка офицерских кадров уже в 2009 году 4 700 выпускников военных вузов получили лишь сержантские звания. В условиях, когда за штат выведено около 40 тыс. офицеров, никакого продвижения по службе эти сержанты иметь не будут. Более того, из-за переизбытка офицерских кадров в 2010 и 2011 годах не будет приема слушателей для подготовки на офицерские должности (вместо этого военные вузы займутся подготовкой профессиональных сержантов)¹¹.

В результате, как это неоднократно уже случалось, политическое руководство может принять решение о свертывании реформ.

Кроме того, принципиально важное значение имеет то, будет ли пытаться Кремль и военное ведомство реализовать амбициозную программу перевооружения армии. Речь идет о намерении заменить к 2020 году 80 (по другим данным, 70) проц. парка вооружений. В условиях, когда организация военного производства совершенно неэффективна,

когда военное ведомство настаивает на необходимости производства всего спектра вооружений, попытка начать серийное производство неизбежно обернется растратой гигантских средств¹², что также может привести к торможению или полному прекращению реформ. Свидетельством глубины кризиса ВПК является беспрецедентный конфликт между руководством военно-промышленных корпораций и руководством Министерства обороны. Заместитель главы военного ведомства Владимир Поповкин публично заявил, что его задача заключается в том, чтобы обеспечивать армию нужными ей вооружениями, а не в том, чтобы поддерживать на плаву неэффективные предприятия ВПК. В рамках этой логики, Минобороны решило закупить во Франции вертолетоносец «Мистраль». «У нас нет доков, чтобы построить авианосец, — заявил Поповкин. — Но когда начинались переговоры с французами, сразу поднялся шум. Говорят: нельзя этого делать. Мы, мол, погубим отечественную судостроительную промышленность. А как быть, если промышленность не может сделать то, что нам надо?»¹³

Вышеперечисленные факторы и их взаимодействие друг с другом будут определять облик российских Вооруженных сил в 2020 году.

Вариант 1 (позитивный, практически невероятный)

Может быть реализован исключительно в условиях либерализации режима.

«Сердюковские» реформы, как и планировалось, успешно реализованы к концу 2012 года. В течение последующих 3–5 лет руководство страны признает бессмысленность сохранения призыва. Совершенно очевидно, что содержание Вооруженных сил численностью в миллион солдат и офицеров неизбежно обрекает военнотружущих на нищенское существование. Подсчеты показывают: даже ассигнуя на военные расходы около 3–4 проц. ВВП, Россия может содержать

не больше 500–600 тыс. военнослужащих. В результате оказывается ликвидирована база для возрождения массовой мобилизационной армии. Призыв постепенно отмирает.

Параллельно создаются условия для перехода к Вооруженным силам, формируемым на добровольческой основе. Созданы несколько учебных заведений, подобных уже существующему в настоящее время Центру подготовки сержантов при Рязанском воздушно-десантном училище, в котором особое внимание уделяется не столько техническим дисциплинам, сколько основам управления, психологии, педагогики. В этих центрах будущие сержанты получают одинаковое базовое среднее специальное образование. В результате Вооруженные силы каждый год пополняются несколькими тысячами профессиональных младших командиров. Именно сержанты приносят в казарму профессиональную мораль — не наемников, а кадровых военных, чья работа заключается в защите Отечества. Разработаны положения, четко устанавливающие систему прохождения сержантской службы, иерархию званий и должностей, что создает этой категории военнослужащих надежную основу для профессионального и служебного роста.

Кардинальным образом изменилась система военного образования и прохождения службы офицерами. В военно-учебных центрах офицеры Вооруженных сил получают фундаментальное гуманитарное и естественно-научное образование. Первое позволяет командирам понять свое место в быстро меняющемся мире, осознать ответственность за своих подчиненных. А естественно-научное образование позволяет осваивать любые современные системы вооружений. Система продвижения по служебной лестнице, порядок назначения на вышестоящие должности стали конкурсными и прозрачными. Сформирована система непрерывного образования офицерских кадров, когда обязательным условием получения очередного

воинского звания является не только выслуга лет, но и повышение квалификации. Участник конкурса на вышестоящую должность знает, что предпочтение отдается тому, кто повысил квалификацию и добился успехов в подготовке своего подразделения или части.

Использование все более сложных вооружений и техники будет требовать все более длительных сроков обучения, что практически невозможно при формировании Вооруженных сил призывниками, служащими один год. По мере профессионализации Вооруженные силы во все большей степени превращаются в социальный лифт, который позволяет целеустремленным юношам из небольших городов получить образование. Служба в армии перестает быть «налогом», она больше не воспроизводит систему отрицательной социализации.

В рамках военной реформы удалось разделить функции между Министерством обороны, Генеральным штабом и Вооруженными силами в целом¹⁴. Минобороны стало ведомством, формируемым в основном за счет компетентных гражданских чиновников. Их предназначение — «перевод» задач Вооруженных сил, формулируемых политическим руководством страны, на язык военных приказов. Эти же гражданские чиновники формулируют техническую политику Минобороны, осуществляют закупки вооружений и военной техники.

Руководство Вооруженными силами осуществляется приказами, которые следуют от министра обороны через Генштаб непосредственно четырем объединенным стратегическим командованиям (ОСК) Вооруженных сил. При такой организации у Генерального штаба нет функций непосредственного оперативного управления ОСК. Его задачи ограничиваются управлением Стратегическими ядерными силами, Космическими войсками, координацией действий между ОСК, организацией применения резерва Верховного главнокомандующего, а также стратегическим

планированием и предоставлением рекомендаций министру обороны и политическому руководству страны. Генштаб участвует в оценке военных угроз, а главное — в выработке предложений по их парированию, а также по предотвращению войны. При этом оценка военно-политической ситуации, планов и возможностей вероятного противника осуществляется на основе информации, получаемой Главным разведывательным управлением, подчиненным непосредственно министру

Руководство страны при этом отдает себе отчет, что обычные Вооруженные силы способны одержать победу лишь в локальном или, в лучшем случае, региональном конфликте. Полную гарантию безопасности в период кардинального реформирования Вооруженных сил дает ядерное оружие, опора на которое сохранится все предстоящее десятилетие. Однако и ядерная политика должна претерпеть кардинальные изменения. В результате сближения с Западом

“Оптимистический сценарий предполагает, что база для возрождения массовой мобилизационной армии ликвидирована. Призыв постепенно отмирает”.

обороны, во взаимодействии с аппаратом Совета безопасности.

Отказ от массовой мобилизационной армии привел к кардинальным изменениям в структуре Вооруженных сил. Ликвидированы военные округа, чьей важнейшей функцией было проведение массовой мобилизации. Войска сведены в объединенные стратегические командования («Восток», «Запад», «Юг», «Центр»), куда входят сухопутные соединения, части ВВС и силы флота. Контроль за большими территориями обеспечивается не численностью Вооруженных сил, а космическими средствами наблюдения, способностью войск к быстрому развертыванию и передислокации, техническими средствами оперативной переброски сил и конечно же современными дальнобойными средствами высокоточного поражения. Чтобы обеспечить такое развертывание и возможность переброски войск, созданы боеготовые соединения, а также заблаговременно развернуты склады тяжелых вооружений на угрожаемых направлениях (речь, прежде всего, о Кавказском регионе и областях, прилегающих к российско-казахской и российско-китайской границам, а также к границе с КНДР).

Россия отказывается от дорогостоящих попыток поддержания ядерного паритета с США. Ее ядерный потенциал сокращается до 100–200 носителей и 400–600 боеголовок. Москва принимает посильное участие в создании глобальной противоракетной обороны, создаваемой НАТО по инициативе США, задействовав в ней свои системы предупреждения о ракетном нападении и комплексы ПВО С-400. Сотрудничество с Западом распространяется и на предотвращение вооруженных конфликтов в Центральной Азии (где ситуация наверняка обострится после вероятного вывода войск США и НАТО из Афганистана) и на Кавказе.

Правительство начинает кардинальную реформу ВПК. При этом происходит отказ от путинской концепции госкорпораций (сегодня они являются своего рода «колхозами», в которых одно относительно эффективное предприятие содержит полтора десятка заводов, близких к банкротству). Промышленная кооперация образуется на базе небольшого числа приоритетных проектов, реализация которых действительно остро необходима для поддержания боеготовности Вооруженных сил. При этом государство финансирует не

корпорации, а конкретные проекты. В рамках этих проектов реализуются достижения революции в военном деле. Речь, прежде всего, о системах боевого управления, связи и разведки. В рамках их реализации происходит техническое перевооружение конкретных предприятий и их смежников. Политическая воля к реформам может быть реализована только через жесткий гражданский контроль, основой которого является контроль парламентский (что, разумеется, невозможно при существующей системе власти, в которой представительные органы превращены в придаток исполнительной власти). Для этого потребуется принять закон «О гражданском контроле», который должен устанавливать «позитивный» контроль над сферой обороны и безопасности. Парламент с помощью независимых экспертов, которых он привлекает для профессионального анализа конкретных проблем военного строительства и определения направлений военно-технического развития, критически оценивает предложения Министерства обороны, правоохранительных ведомств, специальных служб и разрешает финансирование только тех программ, которые, по мнению народных избранников, отвечают интересам страны и ее возможностям. Таким образом, формирование государственной политики в области обороны и безопасности происходит открыто и гласно.

При этом оборонные расходы должны быть максимально детализированы и максимально открыты, для чего необходимо кардинально пересмотреть ряд законов, в частности, Бюджетный кодекс и закон «О государственной тайне», а также ряд подзаконных актов. Военный бюджет должен не только соответствовать стандарту ООН о военных расходах государств, но и быть гораздо обширнее и подробнее, чтобы парламентарии и привлеченные ими эксперты имели возможность понять и оценить основные тенденции развития Вооруженных сил,

их оснащения оружием и обеспечения военнослужащих всеми видами довольствия¹⁵. (Сегодняшняя классификация военных расходов в Российской Федерации не соответствует даже стандарту ООН, содержит лишь самые общие, неконкретные формулировки.) И сам отчет РФ о военных расходах отправляется в ООН, минуя Государственную думу. В этом случае международные чиновники обладают (правда, с некоторым временным лагом) большей информацией, чем депутаты, когда голосуют за бюджет.

Парламент должен быть наделен и функцией «негативного» контроля, то есть законодательно закрепленным правом контроля над тем, как именно расходуются ранее выделенные средства. Гражданский контроль не ограничивается парламентским. Представляется необходимым учреждение должности уполномоченного по делам Вооруженных сил, в зону ответственности которого входил бы контроль за соблюдением социальных и политических прав военнослужащих.

Кроме того, принципиальным является создание институтов независимой экспертизы в области обороны и безопасности. Эти научные центры должны обеспечить объективный анализ процессов, происходящих в этой сфере, выработку рекомендаций, не продиктованных заинтересованными министерствами. Параллельно такие научные центры должны создать и учебные заведения, которые будут готовить не только будущих исследователей, но и гражданских специалистов, компетентных в области обороны и безопасности. Именно эти специалисты должны будут составить аппарат гражданских служащих Министерства обороны.

Очевидно, что описанная выше радикальная военная реформа (чтобы быть успешной, она должна сопровождаться демилитаризацией всех остальных так называемых силовых структур¹⁶) будет представлять собой решительный разрыв не только с советской тради-

цией строительства Вооруженных сил, но и со всей сформировавшейся за три столетия российской военной культурой, которая основана на идее принудительной службы, а также и с политической системой, в которой главный приоритет — не эффективность и не расширение возможностей для граждан, а политическая монополия. Эта реформа, которая кардинально меняет отношения гражданина и государства, не может не вызвать решительного сопротивления не только командного состава всех «силовых структур», но и большей части офицерского корпуса.

Этот вариант может быть реализован при кардинальной смене политического режима. Если иметь в виду специфическую, глубоко милитаристскую сущность нынешней системы власти, описанные выше преобразования и должны стать одним из важнейших элементов внутривнутриполитических изменений.

Вариант 2 (негативный, маловероятный)

В условиях ужесточения авторитарного режима происходит отказ от «сердюковских» реформ. Поводом для этого станет коллапс, который должен охватить систему призыва в ближайшие два-три года. Согласно подсчетам специалистов из лаборатории военного анализа Института экономики переходного периода под руководством Виталия Цимбала, объем призыва фактически сравнялся с количеством юношей, достигших 18-летнего возраста. Некоторое время призыв можно поддерживать, как сейчас, «выбирая» молодых людей старших возрастов — выпускников вузов, «уклонистов» и т.д. Однако на рубеже 2013–2014-го весь призывной резерв будет полностью исчерпан даже с чисто количественной точки зрения.

Рис. 1

График из презентации В. Цимбала на конференции «Гражданин и армия», проходившей в декабре 2008 года в Институте экономики переходного периода.

При этом не учитывается, что около трети молодых людей получают освобождение от службы из-за болезней и еще треть — отсрочки для получения высшего образования. Маловероятно, что власти рискнут до президентских выборов 2012 года отменить «учебные» отсрочки. Стало быть, коллапс призывной системы случится на рубеже 2012 и 2013 годов.

В результате искусственно созданных чрезвычайных обстоятельств генералитету удастся обосновать необходимость возвращения к двух- или даже трехгодичной службе, затем в случае нарастания конфронтации с Западом — и возврат к мобилизационной модели органи-

армии. Прежде всего потому, что мобилизационный резерв будет полностью исчерпан. Демографическая ситуация не позволит сформировать миллионную армию. Военно-политическое руководство идет все дальше по пути, предложенному уже сейчас начальником ГОМУ. Оно пытается все более ужесточать правила призыва. Например, запрещает прием на работу или в вузы (за исключением нескольких, официально — чрезвычайно важных для государства, фактически — для освобождения детей высокопоставленных чиновников от службы в армии) молодых людей, не прошедших армейскую «школу жизни». В том же духе милитаризованного полицей-

“Реализация «советского» сценария означает, что российская армия останется лишь неким милитаристским символом”.

зации Вооруженных сил. Оказавшись неспособным выполнить социальные обязательства перед офицерами, находящимися за штатом, государство возвращает их на военную службу. А для того, чтобы обеспечить их должностями, будут восстановлены кадрированные части и соединения. О реформе оборонно-промышленного комплекса речь уже не идет. Функционирование военной промышленности строится отнюдь не на рыночных основах. Чтобы обеспечить предприятия ВПК комплектующими и элементной базой, все заводы страны независимо от форм собственности вновь, как во времена СССР, получают так называемые мобилизационные задания. По сути это новый, чрезвычайно тяжелый налог, размеры которого варьируются в соответствии с размерами взяток чиновникам, определяющим мобилизационное задание.

Однако все эти меры не могут обеспечить военную мощь в ее современном понимании. Вооруженные силы будут представлять собой некий муляж советской мобилизационной

сского государства выдержано и предложение Генштаба, прозвучавшее пока что неофициально, — запретить выдачу заграничных паспортов всем, у кого нет военного билета (это потребует либо изменения визового режима с рядом стран СНГ, либо заключения соглашения об экстрадиции, но уже не преступников, а призывников). Правоохранительным органам (которые пока что изо всех сил этому противятся¹⁷) будет вменен в обязанность розыск уклонистов и дезертиров.

Понятно, что никаких положительных результатов (даже с точки зрения комплектования армии) подобные меры принести не могут. Лишь многократно возрастет размер взятки, позволяющих откупиться от воинской службы. При этом государству волеяневолей придется отказаться от немногих оставшихся еще атрибутов демократии, например, свободы передвижения граждан.

Воссоздание мобилизационной модели возвращает российскую армию в ситуацию, которую описал Владимир Путин, когда

в обращении к Федеральному собранию вспоминал обстоятельства начала второй чеченской войны: «Для эффективного ответа террористам нужно было собрать группировку численностью не менее 65 тысяч человек. А во всех Сухопутных войсках, в боеготовых подразделениях — 55 тысяч, и те разбросаны по всей стране. Армия — 1,4 миллиона человек, а воевать некому. Вот и посылали необстрелянных пацанов под пули»¹⁸.

При этом Вооруженные силы продолжают получать в лучшем случае единичные экземпляры «современной» боевой техники: в действительности она именуется современной лишь потому, что никогда не производилась. Но разработана была не позже конца 80-х годов прошлого века.

Реализация «советского» сценария означает, что российская армия почти полностью утратит боеспособность. Она останется лишь неким милитаристским символом, а также инструментом, который демонстрирует подчинение гражданина государству. Однако подобное развитие событий невозможно без ухудшения отношений между Россией и США, а также другими странами Запада. В условиях возрастающей конфронтации главной задачей станет поддержание всеми средствами подобия ядерного паритета с США, на что, как в конце 1970-х, должна будет уходить большая часть нефтяных доходов.

Такой сценарий представляется маловероятным. Его реализация предполагает решительное урезание уже не политических, а личных прав российских граждан, что чревато радикальным разрывом контракта между населением и властью, который основан в том числе и на невмешательстве государства в личную жизнь. Кроме того, реализация мобилизационного сценария обрекает российский правящий класс, прежде всего чиновничество, на отказ от ставшего привычным уровня потребления. Наконец, мобилизационный сценарий втягивает Россию

в некое подобие новой гонки вооружений, которая — даже в имитационном варианте — способна полностью разрушить отечественную экономику. Несомненно, мобилизационный сценарий кардинально изменит систему отношений государства и бизнеса. Сегодня бизнес скрепя сердце финансирует различные госпроекты, от Сколково до строительства домов для погорельцев. Однако при реализации мобилизационного сценария такой «продналог» неизбежно сменится «продразверсткой». А когда возникнет реальная угроза существованию бизнеса, собственники начнут действовать гораздо жестче.

Вариант 3 (промежуточный, наиболее вероятный)

«Сердюковские» реформы проходят путь, характерный для большинства российских реформ. Они концентрируются на достижении неких формальных показателей и характеристик (в случае военной реформы это численность Вооруженных сил, количество частей и соединений, новая структура и т. д.) и одновременно избегают решений, реализация которых требует радикальных перемен в политической и социальной жизни.

Вероятно, в рамках реформы будут реализованы так называемые оргштатные мероприятия, ликвидированы части неполного состава, уволены тысячи «лишних» офицеров. Будут созданы ОСК, которым подчинены разнородные силы: Сухопутные войска, ВВС и ВМФ. Будут ликвидированы также три десятка высших военно-учебных заведений, на их основе созданы десять военно-учебных центров.

Однако внутренняя логика реформы противоречит главному приоритету, о котором говорилось выше: власть стремится избежать серьезных изменений в политической и социальной сфере. Как раз поэтому Министерство обороны не отказывается от призыва. При этом власти не рискуют прибегнуть к совсем уж драконовским средствам

при формировании армии за счет призывников. Правила призыва фактически не меняются. В результате сокращение Вооруженных сил все равно происходит. Но оно носит «секретный» характер. В условиях фактического выхода России из ДОВСЕ, который предусматривал информирование о численности Вооруженных сил и количестве частей и соединений в европейской части страны, единственным источником данных о Вооруженных силах является само Министерство обороны, что дает самые широкие возможности для манипуляций с цифрами. Официально военное ведомство заявляет, что численность Вооруженных сил сохраняется на уровне в миллион военнослужащих. В действительности же численность сокращается до 500–600 тысяч. Призыв снизится до 200–300 тыс. солдат срочной службы, из которых будут формироваться практически все соединения. Эти соединения фактически небоеспособны, однако это не слишком беспокоит российские власти: крупномасштабная война невозможна.

Не введенная сверху профессионализация начинает постепенно пробивать себе путь снизу. Реальная безопасность страны обеспечивается за счет ракетных сил стратегического назначения (РВСН), где преобладает офицерский состав. При этом, пользуясь правилами зачета стратегических вооружений и обмена данными, которые предусмотрены в новом Договоре СНВ, Россия стремится создать иллюзию количественного паритета с США, а также того, что Москва способна осуществлять ядерное сдерживание Вашингтона. Для достижения как внутриполитических, так и внешнеполитических целей российские руководители периодически прибегают к милитаристской риторике, но за ней, как и теперь, не следует никаких действий, которые могли бы всерьез обеспокоить Запад, поскольку там достаточно данных для адекватного представления о военном потенциале России.

Способность парировать риски, возникающие на локальном и региональном уровне, обеспечивается десятком парашютно-десантными батальонами, сформированными из контрактников (в настоящее время, если верить командующему ВДВ генерал-полковнику Владимиру Шаманову, сформированы пять таких батальонов¹⁹). Кроме того, лучшие офицеры и профессиональные сержанты направляются в ограниченное количество «элитных» частей и соединений. Туда же поступают сравнительно новые вооружения и военная техника. Таким образом, в силах общего назначения формируется «ядро»: 1–2 дивизии ВДВ, 3–4 бригады Сухопутных войск, несколько эскадрилий многофункциональных истребителей Су-34 (из пропагандистских соображений может быть заявлено, что это истребители пятого поколения, в то время как они являются модификацией Су-27, поднявшегося в воздух в начале 1980-х), группировки ВМФ, флагманом которых являются вертолетоносцы типа «Мистраль». Эти соединения предназначены для того, чтобы одержать победу в локальном конфликте, подобном грузинскому или чеченскому. Определенное развитие получают также Военно-космические силы, чья спутниковая группировка должна обеспечить эффективность как РВСН, так и ударных группировок сил общего назначения. Эта часть российской армии может считаться модернизированной и будет более или менее нормально существовать и развиваться.

Остальная же, большая часть Вооруженных сил будет находиться в ситуации полужастоя. Если удастся реализовать идеи Сердюкова о гуманизации срочной службы в армии (два выходных еженедельно, освобождение от нарядов по обслуживанию воинских частей и даже от караулов), а также об усиленной физподготовке, то порядки в воинских частях будут больше напоминать режим спортивного лагеря, нежели режим тюрьмы.

Но это достижение, безусловно, ценное само по себе, лишь незначительно отразится на уровне боеспособности частей и соединений, сформированных из солдат срочной службы. Очевидно, что за один год службы срочники смогут освоить лишь самые азы своей воинской специальности. Заявления военных руководителей о том, что обучение военным специальностям начнется еще со школьной скамьи в системе ДОСААФ, не представляются убедительными. Не существует механизма обязательного военного

со средним образованием не превышает 70 проц.²⁰⁾, то это означает: никакие достижения революции в военном деле не могут быть применены в подавляющем большинстве частей и соединений российской армии. Но тогда никакая современная техника не может быть запущена в серийное производство, и, таким образом, производство вооружений даже в теории не может быть рентабельным.

Сохранение призывной армии также противоречит и современному подходу к орга-

“Лучшие офицеры направляются в ограниченное количество «элитных» частей и соединений. Туда же поступают сравнительно новые вооружения и военная техника”.

обучения школьников. В результате в каждый конкретный момент половина личного состава (те, кто отслужил больше полугодом) будет едва боеготова, в то время как другая половина (отслужившие меньше полугодом) будет вовсе небоегоготова.

Сохранение призыва извращает и смысл службы офицеров, если в основу ее действительно хотят положить принцип непрерывного образования. Ведь офицеры будут обречены каждый год (хорошо, если не каждые полгода) повторять со все новыми новобранцами лишь основы боевой подготовки. У младших офицеров не будет возможности и необходимости подтверждать свою профессиональную состоятельность. Да и желание совершенствоваться у командира взвода вряд ли появится, если он обречен ходить по кругу самых примитивных элементов боевой подготовки. При этом в Вооруженных силах вновь возникнут диспропорции в соотношении между количеством офицеров и рядовых солдат: один офицер будет приходиться на 2–3 рядовых.

Если иметь в виду весьма низкий уровень образования новобранцев (даже по официальным данным, количество призывников

низации Вооруженных сил. Главный вопрос заключается в том, будут ли ликвидированы военные округа при создании четырех стратегических командований. В настоящее время, судя по всему, этот вопрос не решен. Однако он носит принципиальный характер. На протяжении последних 150 лет важнейшей функцией военных округов является проведение в случае военной опасности массовой мобилизации на подчиненной им территории и последующее руководство сформированными войсками. Если военное планирование по-прежнему основано на массовой мобилизации и эта функция передается стратегическому командованию, то новая структура будет столь же неповоротлива, как и нынешние военные округа. При сохранении мобилизационной структуры Вооруженных сил план применения войск наверняка будет привязан к моменту завершения формирования резервных частей. Ведь до этого момента войска стратегического командования будут не способны к военным действиям, даже притом что количество резервистов составляет всего лишь две трети от численности частей и соединений мирного времени. Если же военные округа сохранятся в качестве

структуры, отвечающей за формирование частей резервистов в случае войны, то при организации военных действий неизбежно возникнут конфликты при их переподчинении стратегическим командованиям.

Такой сценарий создает чрезвычайно неустойчивую ситуацию. В отсутствие

реальной военной угрозы Вооруженные силы могут чрезвычайно медленно эволюционировать в позитивном направлении. Однако любое военное столкновение продемонстрирует слабость российской армии, что чревато возвращением в негативный сценарий. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Есеев В.* Отсрочки от военной службы: сегодня и завтра // Отечественные записки. 2005. № 5 (<http://www.strana-oz.ru/?numid=26&article=1155>).

² <http://www.scrf.gov.ru/documents/33.html>

³ Тезис о военной угрозе, в частности со стороны НАТО, вполне успешно используется российским руководством для вербализации своего раздражения в любых конфликтных ситуациях.

⁴ *Литовкин В.* Парад не затормозил реформ // Независимая газета. 2010. 14 мая (http://nvo.ng.ru/realty/2010-05-14/1_parad.html).

⁵ Там же.

⁶ *Хайремдинов Л.* Время мобильности // Красная звезда. 2009. 1 окт. (http://www.redstar.ru/2009/10/01_10/1_05.html).

⁷ <http://www.gzt.ru/topnews/politics/v-sleduyuschem-godu-zarplata-leitenantov-sostavit/208438.html>

⁸ <http://www.newsru.com/russia/14may2010/army.html>

⁹ Оно положено всем, кто, выслужив 20 лет, получил право на пенсию, а также тем, кто прослужил больше 10 лет и был уволен в соответствии с так называемыми оргштатными мероприятиями, то есть не по своей вине, а из-за изменения взглядов начальства на военное строительство.

¹⁰ *Мухин В.* Военно-протестная оборона // Независимая газета. 2010. 17 мая (http://www.ng.ru/politics/2010-05-17/2_oborona.html).

¹¹ <http://www.regnum.ru/news/polit/1320193.html>

¹² На слушаниях в Государственной думе, посвященных новой программе вооружений (четыре предшествующих были провалены), врио начальника вооружений российской армии генерал-лейтенант Олег Фролов заявил, что для выполне-

ния программы потребуется 36 трлн рублей, а не 13, как планировалось ранее.

¹³ *Гаврилов Ю.* Истребитель «экономкласса» // Российская газета. 2009. 8 сент. (<http://www.rg.ru/2009/09/08/popovkin.html>).

¹⁴ В настоящее время функции Министерства обороны и Генштаба пересекаются по многим позициям. Главное — и министерство, и Генштаб обладают правом оперативного руководства войсками.

¹⁵ В настоящее время бюджет российского Минобороны умещается на 20 страницах, в то время как, например, в ФРГ это отдельный том в 190 страниц. В США — это более десятка томов.

¹⁶ Успешная военная реформа возможна лишь в том случае, если Вооруженные силы с их командной иерархией, требованием безусловного выполнения приказов и т. д. признаются уникальным институтом демократического общества. В нынешних условиях, когда военная служба предусмотрена в более чем 10 ведомствах РФ, когда больше половины людей в погонах служат в этих ведомствах, размывается идея «особого» статуса военнослужащего, которому общество предлагает особые льготы в благодарность за то, что ради обеспечения безопасности страны он обрекает себя на ряд ограничений.

¹⁷ См., например, интервью с начальником ГУВД Москвы Владимиром Колокольцевым в «Российской газете»: *Фалалеев М.* Служебное соответствие // Российская газета. 2010. 28 апр. (<http://www.rg.ru/2010/04/28/kolokolcev.html>).

¹⁸ http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml

¹⁹ *Худалеев В.* Аэромобильность, возведенная в абсолют // Красная звезда. 2010. 27 мая.

²⁰ <http://www.botkinmoscow.ru/rus/news/1638.html>